

*Посвящается светлой памяти
моего духовного отца,
митрополита Антония Сурожского*

ВВЕДЕНИЕ

О романе «Идиот» существует и продолжает появляться много литературы. Но среди работ, посвященных произведению о «Князе Христе», как Достоевский трижды назвал своего героя в черновиках к роману, не было до сих пор специальной монографии о влиянии Евангелия на замысел и основные литературные источники «Идиота». Частичное исследование этого влияния, разумеется, имело место в работах русских и иностранных авторов, однако его результаты не были обобщены и объективно сопоставлены *с авторским замыслом*. Некоторая попытка систематизировать и пополнить эти разыскания была предпринята мною в Пушкинском Доме, где до моего отъезда в США я была сотрудником группы, осуществлявшей тридцатитомное академическое издание сочинений Достоевского. Разрешение на него было получено с трудом, и долгое время никто из членов группы не был уверен в том, что издание действительно окажется полным. В условиях тогдашнего советского режима могли подвергнуться сокращению даже *тексты* Достоевского — например, подготовительные материалы к «Бесам» или «Подростку». И если мы постоянно опасались этого, что же говорить и о наших к ним комментариях! Нужны были изобретательность, настойчивость и мужество, чтобы хоть сколько-нибудь успешно «сражаться» с цензурой. В этих трудных условиях и зародилась у меня мечта о том, чтобы написать работу о влиянии Евангелия на роман «Идиот».

В 1974 году я стала женой Майкла Минихена, переведшего на английский язык известную монографию К. Мочульского «Достоевский. Жизнь и творчество», из-

данную в 1947 году в Париже¹. Мы встретились в Пушкинском Доме осенью 1971 года, когда отмечалось 150-летие со дня рождения великого писателя. К счастью, многие материалы, нашедшие отражение в этой книге, которые по «цензурным условиям» могли быть лишь отчасти использованы в академическом издании, мне удалось до отъезда в Америку переправить в Нью-Йорк.

В 1984 году Майкл, более двадцати трех лет страдавший от рассеянного склероза, умер. После смерти мужа я сама долго болела и лишь к весне 1989 года закончила работу над диссертацией, которая легла в основу этой книги. По присуждении мне Брауновским университетом докторской степени я вскоре приняла монашеские обеты, но в редкие свободные часы продолжаю заниматься литературным трудом. Надеюсь, предлагаемое исследование внесет нечто новое в понимание одного из великих романов Достоевского.

Существующие интерпретации «Идиота» нередко очень различаются между собой в общем подходе к роману и в оценке его главного героя. Часто они расходятся и с тем, что (как выясняется из анализа текста и творческой истории романа) входило в замысел писателя. Это стало предельно ясным после выхода в Москве сборника статей отечественных и зарубежных исследователей, посвященного «Идиоту»². Несколькоими годами позднее был опубликован подробный и заслуживающий внимания достоевсковедов критический обзор другого сборника статей

1 *Mochulsky Konstantin. Dostoevsky. His Life and Work / Translated by Michael A. Minihan: Princeton University Press, 1967.*

2 Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. / Под ред. Т. А. Касаткиной. М., 2001. В дальнейшем — *Сборник*. В ряде статей предпринята попытка «нового прочтения» романа и переоценки образа Мышкина. Так, в статье А. Мановцева «Свет и соблазн», вопреки свидетельствам Достоевского, утверждается, что писатель не считал Мышкина «положительным примером» (с. 251). Герой романа голословно обвиняется в безверии и даже в том, что его свет — это «тьма», «сатана, принимающий вид Ангела света» (с. 272).

С Т. А. Касаткиной я особенно резко расхожусь в трактовке образа Мышкина и его болезни. Претендуя на интерпретацию произведения, адекватную авторскому замыслу, исследовательница полагает, например, что «“освещение” князя в припадке эпилепсии — это, конечно, еще и очевидная перверсия Фаворского Света» (с. 85).

об этом же романе, вышедшего в Иваново в 1999 году¹. Н. А. Арсентьева убедительно показывает на многих примерах, что роман «Идиот» рассматривается в этом издании «с позиций нетрадиционной постмодернистской методологии, точнее, ее ветви, получившей в современной критике название “дионисийства”, которая характеризуется привлечением к филологическому анализу аргументов, в строгом смысле к научным критериям объективности отношения не имеющих, основанных на домыслах, догадках, даже мистических интуитивных прозрениях. <...> Подобный подход подрывает основы научного метода, ведет к его деконструкции и подмене точных данных лавиной субъективных представлений, отражающих самосознание критика в данный момент времени»².

В связи с невероятным разнообразием трактовок романа в начале моей работы рассматривается несколько интересных его оценок как русскими, так и зарубежными учеными и религиозными мыслителями. Мне кажется целесообразным, в соответствии с темой книги, представить мнения православных или хотя бы знакомых с православием авторов.

Далее речь идет о важных моментах становления образов Мышкина и Настасьи Филипповны и выясняется отчасти смысл евангельского подтекста «Идиота» в отношении главных действующих лиц, а также Мари — героини вставной новеллы. При этом внимание уделяется важной роли новеллы в творческой истории романа.

Поскольку новозаветный подтекст «Идиота» часто осложняется другими художественно-публицистическими воздействиями, я пытаюсь показать, разумеется, лишь в главных чертах, как повлияли на замысел Достоевского основные литературные источники произведения: «Дон-Кихот» Сервантеса, пушкинская баллада «Жил на свете рыцарь бедный...», «Отверженные» Гюго, «Записки Пик-

1 Арсентьева Н.А.. «Крик осла» и «локус идиота»: Размышления над межвузовским сборником научных трудов «Роман Достоевского “Идиот”: Раздумья, проблемы» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 17. СПб, 2005.

2 Там же. С. 376.

викского клуба» Диккенса. А с другой стороны, было чрезвычайно интересно проследить, как новозаветные мотивы, пронизывая художественную ткань произведения, *подчиняют* эти источники и используемый Достоевским газетно-журнальный материал своему влиянию.

Речь идет также о роли Лебедева в раскрытии новозаветного подтекста и центральной — евангельской — идеи произведения.

Мною исследуется вопрос о воздействии ренановской «Жизни Иисуса» на концепцию романа и на полемику между Мышкиным и Ипполитом, которая планировалась в черновых записях к «Идиоту» и отзвуки которой *являются* в окончательном тексте. Значительное место уделено также анализу не только злободневно-публицистического, но и *евангельского* смысла эпизода с компанией Бурдовского.

Я рассматриваю проблему влияния образа Мышкина, формировавшегося в воображении автора, на особенности композиции романа. Мною выясняется также значение болезни главного героя в структуре его образа и дается анализ его эпилепсии, которую Достоевский в этом романе стремится представить как заболевание ясновидцев и пророков.

На всем протяжении исследования я стараюсь показать характерные черты православных воззрений писателя, отразившихся сильнее всего в личности Мышкина, а также проследить развитие пронизывающих роман *мотивов скандала*, поскольку и они возникали в значительной степени под влиянием Евангелия.

Основное внимание уделяется мною анализу наиболее важной части *окончательного текста*. Творческая история произведения и сложный путь от неосуществленной его редакции к опубликованному роману освещены И. А. Битюговой и отчасти мною в комментарии к академическому изданию «Идиота», на который я нередко ссылаюсь. Анализ черновых записей Достоевского обычно дается в тех случаях, когда он способствует более глубокому пониманию произведения.

Я очень признательна моему научному руководителю профессору *Виктору Террасу* (1921–2003) за ценные замечания и неподдельный интерес к моей теме. В 1990 году он и сам опубликовал книгу об этом произведении Достоевского: «*“Идиот”*. *Одна из интерпретаций*»¹. В ней ученый знакомит западных читателей с наиболее важными идеями академического комментария к роману, дополняя их полезными сведениями из многих работ иностранных авторов и не однажды перекликаясь с моей диссертацией. В письме ко мне Террас назвал ее «важным и ценным вкладом в достоевскоеведение» и выразил надежду на то, что мое исследование будет опубликовано. Я счастлива тем, что надежда его осуществилась. Надеюсь, читатели извинят меня за то, что в книге почти отсутствуют ссылки на литературу о Достоевском последнего десятилетия. Я, разумеется, стараюсь с ней знакомиться, но постоянная работа с людьми, погруженность в их житейско-духовные проблемы, а также и другие монашеские послушания не оставляют времени для углубленного изучения этой литературы.

Ознакомление с различными интерпретациями «Идиота» неизбежно ставит перед исследователем вопрос, на который я стремилась ответить: «Что же, в конце концов, хотел *сам Достоевский* сказать своим романом?» К сожалению, я не раз убеждалась в том, что некоторые авторы, писавшие об «Идиоте», не уделили достаточно внимания даже вдумчивому прочтению его *текста*, не говоря уж об изучении творческой истории романа!² По этим причинам, вовсе не претендуя на исчерпывающую полноту охвата своей темы, я пытаюсь, тем не менее,

1 Victor Terras. *The Idiot. An Interpretation*. Boston, 1990.

Некоторые идеи Терраса вызывают у меня возражения. Например, его мнение о том, что приезд Мышкина из Швейцарии и его возвращение туда в конце романа аналогичны Рождеству и Вознесению Христа. *An Interpretation*. P. 86.

2 Например, в статье Елены Мастергази из *Сборника*, озаглавленной «Вера и князь Мышкин: Опыт “*наивного*” чтения романа “Идиот”» (курсив мой. — М. К.), декларируется: «Для Лебедева князь — человек, “сам себя обокравший” своим неверием в Бога и наказанный за это безумием» (с. 309).

показать, в чем состояли вдохновленные Евангелием художественные устремления Достоевского в пору создания «Идиота», чтобы о романе можно было судить *и с авторских позиций*.

Несколько слов о техническом оформлении книги и о ее справочно-библиографическом аппарате. Ссылки на произведения и письма Достоевского даются в тексте по первому академическому изданию 1972–1989 годов (в скобках арабскими цифрами указываются тома и страницы). Курсив в цитатах обычно принадлежит Достоевскому. Слова, выделенные в цитатах мною, печатаются жирным шрифтом, а употребление мною курсива специально оговаривается.

Работы, упоминающиеся как в основном тексте, так и в подстрочных примечаниях, включены в библиографию, и ссылки на многие из них даются по списку условных сокращений.

Глава и стих Библии обозначаются арабскими цифрами, отделенными друг от друга двоеточием. В цитаты, используемые в этой книге, мною внесено одно изменение: слова «Бог», «Архангел», «Ангел», а также местоимения, заменяющие слова «Бог» и «Христос», пишутся с заглавной буквы.

* * *

Я храню в сердце память о своем учителе, *Аркадии Семеновиче Долинине*. Годы напряженной работы под его руководством дали мне редкую возможность приобрести навыки исследователя, текстолога и редактора, без которых книга не могла бы быть написана.

От души благодарю *всех моих друзей* в России, Великобритании и США за их ободрения и молитвы.

Мать Ксения (Соломина-Минихен)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О НЕКОТОРЫХ
ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ
ОЦЕНКАХ РОМАНА «ИДИОТ»

Поистине широкую известность и признание в России и за рубежом роман «Идиот» получил лишь в первой четверти XX века. При жизни писателя отклики на него даже и в русской печати были немногочисленны. Их добросовестный обзор сделан И. А. Битюговой в академическом комментарии к роману (9, 410—420). Самый значительный из отзывов принадлежит, как известно, Салтыкову-Щедрину, который говорит не только о национальном, но и *об общечеловеческом значении* романа. Щедрин видит в князе Мышкине «тип человека, достигшего полного нравственного и духовного равновесия», — не только *русский* идеал, но и воплощенную «цель не непосредственных, а отдаленнейших исканий человечества». Для него Мышкин — лицо, «полное жизни и правды», написанное с «высокой художественной прозорливостью» и совершенно особое «по глубине замысла». Щедрин говорит, что за запутанными и невыясненными жизненными вопросами, занимающими человечество в «данную минуту», «стоит нечто, не представляющее уже никакой запутанности и неясности. Это ясное и незапутанное есть стремление человеческого духа прийти к равновесию, к гармонии», т. е. к тому состоянию, которого, по мнению русского сатирика, Мышкин в значительной степени достиг. «Это, так сказать, конечная цель», — пишет Щедрин. Ввиду *этой цели* «даже самые радикальные разрешения всех остальных вопросов, интере-

сующих общество, кажутся лишь промежуточными станциями!» По мысли Щедрина, Достоевским решена «лучезарная задача», «поглощающая в себе все переходные формы прогресса». Так, история человечества осмысливается Щедриным как долгий путь, ведущий через «промежуточные станции» различных форм прогресса к достижению «нравственного и духовного равновесия» князя Мышкина. Усилия захваченной революционными настроениями части общества, — считает он, расходясь в этом кардинально с автором «Идиота», — «всецело обращены в ту самую сторону, в которую, по-видимому, устремляется и заветнейшая мысль» автора романа¹. Достоевский не мог не дорожить мнением рецензента о своем герое, так как Щедрин оказался одним из немногих современников, отчасти понявших и высоко оценивших образ Мышкина. Во всех остальных прижизненных отзывах обнаруживается недопонимание романа и неприятие творческого метода Достоевского, которого с позиций «традиционной реалистической эстетики», — отмечает И. А. Битюгова, — обвиняли в «идеализме», «фантастичности», «излишней тонкости анализа» и т. п. (9, 410 и след.).

Отстаивая в письме к Страхову «свой особенный взгляд на действительность (в искусстве)» (29¹, 19), Достоевский в то же время соглашался со многими критическими замечаниями, особенно когда они касались композиции романа, и признавался в письме к С. А. Ивановой от 25 января (6 февраля) 1869 года, что не выразил романом «и 10-й доли» того, что хотел. Он, однако, «не отрицался» от своего произведения и писал, что любит свою «неудавшуюся мысль» (29¹, 10). Поэтому возраставший с течением времени успех романа «у публики», естественно, радовал писателя. Об этом говорит письмо к А. Г. Ковнеру от 14 февраля 1877 года. Ковнер считал роман «Идиот» шедевром Достоевского. «Вы

¹ *Салтыков-Щедрин*. Т. IX. С. 411–413. Щедрин включил эту оценку образа Мышкина в рецензию на роман Омулевского «Шаг за шагом», напечатанную в апрельском номере «Отечественных записок» за 1871 г. С. 300–308, без подписи.

судите о моих романах, — отвечал ему писатель. — Об этом, конечно, мне с Вами нечего говорить, но мне понравилось, что Вы выделяете как лучшее из всех “Идиота”. Представьте, что это суждение я слышал уже раз 50, если не более. Книга же каждый год покупается и даже с каждым годом больше. Я про “Идиота” потому сказал теперь, что все говорившие мне о нем как о лучшем моем произведении имеют нечто особое в складе своего ума, очень меня всегда поражавшее и мне нравившееся. А если и у Вас такой же склад ума, то *для меня* тем лучше» (29₂, 139).

Джозеф Франк ссылается на это письмо в начале своей очень значительной статьи «Одно из прочтений “Идиота”». Статья эта, тщательно отредактированная и дополненная автором, под заглавием «Идиот» вошла позднее как глава, посвященная окончательной редакции романа, в четвертый — предпоследний — том литературной биографии писателя. Этот том назван: «Достоевский. Чудесные годы, 1865–1871»¹. Как и тома предыдущие, он написан с большим мастерством и тактом и читается с захватывающим интересом. Жизнь и творчество писателя раскрываются на многокрасочном культурно-историческом и религиозно-философском фоне. Исследователь широко использует комментарий к академическому изданию Достоевского и считает статью Скафтымова «Тематическая композиция романа “Идиот”» лучшим из всего написанного по-русски об этом произведении. Я вполне разделяю мнение Франка, что этот роман — одно из наиболее личных творений Достоевского, в котором он «воплотил свои самые интимные, дорогие (cherished) и святые убеждения». Читатели, принявшие эту книгу близко к сердцу, считает Франк, были для Достоевского «избранной группой родственных душ», с которыми общение могло быть истинным². Периоду создания «Идиота» посвящены главы 13–17. Последней

¹ Dostoevsky. The Miraculous Years, 1865–1871. Princeton, NJ, 1995.
Далее: *Чудесные годы*.

² *Чудесные годы*. С. 316.

из них предпослан многозначительный эпиграф из труда «Природа и судьба человека» Рейнгольда Нибура (1892–1971), протестантского теолога, родившегося в США в семье немецких эмигрантов. Эпиграф проливает свет на понимание Франком личности и судьбы князя Мышкина: «Предельное величие, всеконечная свобода и совершенное бескорыстие Божественной любви могут найти свое выражение в истории (can have a counterpart in history) только в жизни, которая завершается трагически. <...> Невозможно символизировать Божественную благодать в истории ничем, кроме полного бессилия»¹.

По мнению Франка, воплощенный в главном герое романа «эсхатологический идеал» несовместим с требованиями обычной общественной жизни. Но как бы ни была трагична жизнь Мышкина и тех, кто связан с ним *в этом мире*, князь «приносит с собою неземное озарение мира высшего, которое все чувствуют и на которое все отзываются. И в этом-то отклике на “свет, который во тьме светит”, провидел Достоевский единственный луч надежды для будущего»².

К числу тех, кто полагал, что этот роман — вершина творчества Достоевского, принадлежит Романо Гвардини. Заключительная глава его книги, которую я читала в переводе на французский, посвящена анализу «Идиота»³. Книга полна глубоких прозрений, но с некоторыми из ее идей, как будет отмечено в этой работе, я не могу согласиться. Последнюю главу книги, в собственном переводе на русский, пространно цитирует Л. А. Зандер в «Тайне добра», развивая и дополняя идеи автора. «Если

1 Там же.

2 Там же. С. 341. Исследователь приводит слова четвертого евангелиста: Ин 1 : 5. Все цитаты из книги Франка переведены на русский мною. — М. К.

3 В оригинале книга Гвардини написана по-немецки. Лейпцигское издание ее, с которого сделан имеющийся в моем распоряжении французский перевод (см. библиографию), вышло в 1932 году под заглавием: «Der Mensch und der Glaube. Versuche über die religiöse Existenz in Dostojewskijs grossen Romanen». — «Человек и вера. Попытка трактовки религиозной жизни в великих романах Достоевского». Французское издание этой книги я цитирую в собственном переводе.

следовать Guardini, — пишет он, — то в мире героев Достоевского князю Мышкину должно принадлежать высшее, последнее и абсолютное место. Ибо он есть образ воплощенного добра и осуществленного идеала»¹.

Действительно, даже в построении книги Гвардини отражено его «иерархическое» отношение к положительным героям Достоевского. Так, во второй главе он говорит о Соне Мармеладовой из «Преступления и наказания» и Софье Андреевне из «Подростка». Глава названа «Тихие и великое приятие» («Les silencieux et la grande acception»). В третьей речь идет об образах «духовных мужей»: Макара Долгорукого, старца Зосимы и его брата Маркела; Алеше Карамазову посвящена, в основном, глава четвертая: «Херувим», а князю Мышкину — седьмая, завершающая и названная (в соответствии с авторским пониманием сущности его образа) «Символ Христа». Я буду не раз возвращаться к этой главе, а здесь собираюсь остановиться лишь на *некоторых особенностях* гвардиниевского подхода к «Идиоту».

Закljučая предисловие к своей книге, автор делает важное для читателей признание в том, что из всего написанного о Достоевском он прочел лишь малое число работ и даже по отношению к ним «всегда стремился сохранить свою независимость». У него создалось впечатление столь интимного контакта с великими произведениями писателя, что он «позволил себе попытаться думать в одиночку»².

Католический священник и богослов, Гвардини, тем не менее, обходит молчанием антикатолические места романа «Идиот», хотя они, разумеется, не прошли мимо его внимания³. Он стремится раскрыть *общехристианский* религиозно-этический смысл этого произведения. И нет

¹ Зандер. С. 115.

² Guardini. P. 23.

³ Гвардини снабдил пятую главу своей книги подстрочным примечанием о В. С. Соловьеве; в конце примечания он пишет, что русский философ, ставший позднее католиком, был в то же время гораздо компетентнее, чем Достоевский, в критике католицизма. — Guardini. P. 114.

ничего неожиданного в том, что чуткость к духовному, глубокое знание Нового Завета, *жизнь в согласии с ним* позволили ему глубже многих исследователей почувствовать особую атмосферу романа. По мнению Гвардини, возвращаясь к чтению «Идиота», мы всякий раз испытываем на себе «потрясающую религиозную напряженность этого мира», сравнимую лишь с той, которую вызывают творения Рембрандта¹. Мы глубоко чувствуем присутствие Бога, все себе подчиняющее, над всем царящее, хотя о Нем и говорится очень мало. Естественно также, что Гвардини легче было почувствовать и отчасти раскрыть евангельский подтекст «Идиота». Исследователь косвенно свидетельствует о необходимости *более полного* его раскрытия, опасаясь (не без оснований), что интерпретация образа Мышкина связана с риском самообмана и может показаться нелепой и с филологической, и с религиозной, и с философской точек зрения: у объективного наблюдателя может создаться впечатление, будто Гвардини «впадает в сентиментальность», и до такой степени, что принимает «более или менее упадочного душевно больного за живой символ Христа!»².

Детальный анализ евангельского подтекста романа, способствуя раскрытию глубины христоподобия главного героя, в котором я, кстати сказать, не нахожу «упадочности», подтверждает верность многих идей и наблюдений Гвардини, но, на мой взгляд, не делает его интерпретацию менее рискованной. Как я постараюсь показать, *у нас нет оснований для того, чтобы считать Мышкина символом Самого Христа.*

Поскольку исследователь стремился исходить лишь из углубленного прочтения текста романа, будет интересно отметить в дальнейшем совпадение некоторых его мыслей с идеями самого Достоевского, отраженными в подготовительных материалах к «Идиоту». Эти материалы свидетельствуют с абсолютной очевидностью, что *именно*

1 Ibid. P. 221.

2 Ibid. P. 256.

четвертое Евангелие, как интуиция подсказала Гвардини, сыграло важнейшую роль в решении писателя создать образ «Князя Христа». Так как я углубилась в изучение творческой истории этого романа, Гвардини совершенно неведомой, задолго до ознакомления с его книгой, меня особенно поразило и обрадовало признание автора в том, что он сумел по-настоящему принять Евангелие от Иоанна *только после чтения «Идиота»*. Он говорит, что долгое время это Евангелие оставалось для него как бы «закрытым», во многом не понятным. Он не мог, например, постигнуть логики ответов Иисуса на задаваемые Ему вопросы. Но прочтя «Идиота», Гвардини заметил в Мышкине нечто, напоминающее Иоаннова Христа. Далее французский исследователь подробно рассказывает, как этот роман заставил его увидеть зависимость между взаимоотношениями действующих лиц, их реакциями на происходящее от того *уровня*, или «плана», на котором проходит их существование. Он развивает свою мысль, иллюстрируя ее на материале романа. Суть его рассуждения сводится к тому, что разноплановость существования Мышкина и остальных действующих лиц, так же как и разноплановость существования Христа и «мира», вызывает и поддерживает атмосферу «скандала». Ею проникнуты и роман, и Евангелия, в особенности Иоанново. В дальнейшем я буду подробнее говорить о месте «скандала» в романе. Сейчас отмечу только, что исследователь совершенно прав. Пометы Достоевского на личном экземпляре Нового Завета свидетельствуют о том, что писатель остро почувствовал мотивы скандала в Евангелиях и потому в преображенном виде перенес их в роман.

Гвардини не раз подчеркивает глубокую жизненность образа Мышкина и подлинную человечность его. Тем не менее он полагает, что атмосфера вокруг героя и *суть его существа* превосходят человеческое. Эту способность Достоевского изображать в человеческих образах «сверхчеловеческие реальности» Гвардини считает самой таинственной и загадочной особенностью его творчества и да-

ет интересное объяснение того, каким образом она осознается читателями, с его точки зрения: «Происходит это, однако, не путем фантазии, а совершенно иначе: перед вами стоит человек — законченная, конкретная, единственная в своем роде личность; он живет, действует, имеет свою судьбу, и — вдруг — из него как бы вырастает другой образ, уже не человеческий в своей духовной значительности»¹.

Если Романо Гвардини писал, ничего не зная об истории создания «Идиота», то Константин Мочульский в своей монографии «Достоевский. Жизнь и творчество», напротив, широко пользуется черновыми материалами к роману. Характерной особенностью его книги является, на мой взгляд, эклектичность. Наряду с собственными идеями автор (обычно не прибегая к ссылкам) вводит в свой труд концепции и мнения исследователей, писавших до него: Вячеслава Иванова, Николая Бердяева, Константина Леонтьева и других. Прослеживая в главе, посвященной «Идиоту», процесс перехода от неосуществленной редакции произведения к окончательному тексту, он отчасти идет по следам П. Н. Сакулина, который впервые проанализировал и в 1931 году опубликовал подготовительные материалы к роману. Однако недостаточно тщательное ознакомление с его работой порою приводит Мочульского к неверным заключениям. Я считаю необходимым кратко остановиться только на том, что представляется мне совершенно не приемлемым в его трактовке образа Мышкина.

Ценные мысли и наблюдения соседствуют в книге Мочульского с категорическими и в то же время ошибочными выводами. Исследователь неоднократно вполне отождествляет отношение *героев «Идиота»* к князю Мышкину с *авторской оценкой* его образа. Так, пересказывая тираду Евгения Павловича Радомского, обращенную к Мышкину в конце романа, Мочульский заключает, что устами своего «резонера» и представителя «практического разума» Достоевский «судит и осуждает

¹ Цит. по: Зандер. С. 105.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)